

КОЛОКОЛЬЧИК

Цветок колокольчика – символ любви, честности и повиновения. Согласно поверьям, он приносит девушкам счастливую любовь, а пожилым людям – спокойную старость. И вообще – дарит счастье.

Этого она не знала.

Все дачники видели это растение-самосей. С фиолетовыми и сиреневыми цветами, многолетнее и очень живучее. Их много растёт на заброшенных дачных участках. Казалось бы, никому в голову не придёт такой колокольчик обиживать и «окультуривать».

Один такой куст много лет назад поселился на её участке. Теперь заброшенном, хотя и обитаемом – на два летних месяца в году.

Никто уже точно не вспомнит, когда именно он здесь поселился, символ садово-огородного запустения.

Его обязательно надо обработать. Только бы хватило сил! *Надо!*

Ведро некогда оранжевое, а теперь выгоревшее, под железным столом в саду, старая верная тяпка коричневого металла. Деревянная скамейка – тяжёлая, неудобная.

Все сухие листья с колокольчика оборвала – собрала до одного. Мусор – в ведро. Потом – на компост.

Обвязала по кругу верёвочкой, в центр воткнула металлическую голубую палку. Несколько стеблей растения пригнулось книзу, может быть, даже надломилось. С заботой обернула их все верёвочным кругом. Скоро ему цветсти. Расти, колокольчик! Она его *просто любит* – ни требований, ни претензий, ни обманутых надежд...

Никто точно не вспомнит, когда именно убрали с дачного участка теплицу.

Потом в один присест избавились от десяти плодовых деревьев, потому что все они состарились – заболели. Корни дошли под землёй до песка, и – всё...

Всё это было.

Какое-то время ещё оставались грядки. Клубника.

Летом сажали зелень.

Вдоль забора с южной стороны росла малина.

Постепенно закончилось всё.

Шли годы, и она не становилась моложе. Хозяйка. За это время родились и подросли правнуки. Каждое лето её старшая дочка и внучка жили с детьми на даче. Те самые два месяца в году. Когда – лето в разгаре. Наезжал в выходные зять.

Странные существа. Сад им не нужен. Грядки им ни к чему. Дачники!..

Она была глыбой-легендой и олицетворением-символом. Ей было уже больше 90, а она всё преподавала в не менее легендарном ВУЗе, вела творческую мастерскую и отчаянно боролась со всякой несправедливостью, уверенно отстаивая правое дело. Без сомнений. Дело было правое. Да, видимо, - уже прошлое. Время летело, мчалось, утекало, и её никто не спрашивал, нравится ей это или нет.

Конечно, нет. Ей так хотелось всем им объяснить, убедить, доказать, заставить, в конце концов. Раньше удавалось достичь практически беспрекословного подчинения и послушания. Без крика. Одной силой убеждения. И умением вызывать... – да нет, всё-таки, не уважение. Скорее – страх.

Теперь же сил у неё становилось всё меньше.

Её, как живую легенду, приглашали рассказывать о прошлом, про историю великого искусства, приходили домой – брать интервью, фотографировали и снимали.

Раз в неделю она читала в институте лекцию и всю остальную неделю готовилась к ней. Память отказывала. Приходилось почти всё вспоминать, «проходить» заново. Да что там! Памяти почти не оставалось. Фрагменты. Выручали огромный преподавательский опыт и жёсткая многолетняя самодисциплина.

А ещё трудная медицинская «работа»: походы и звонки врачам, сложные комбинации таблеток и препаратов, необходимых, чтобы длить жизнь.

А потом – раз – и снова лето. И опять – в отпуск только на дачу. Как все последние сорок лет. С тех пор, как появился у неё этот надел счастья.

Когда-то её усилиями всё росло, колосилось, радовало глаз и душу. В пятьдесят пять это был лучший подарок судьбы – шесть соток, строительство дома в условиях советского дефицита всего и с невероятными приключениями, с этим дефицитом связанными.

Уже потом много раз рассказывала внучке про свою великую стройку.

Уроки садоводства у «агрономши» с нижних участков. Специальные книги, вырезки из газет и огромное желание возиться в земле, – растить. Осознанный выбор зрелого человека, который, при этом, пребывает в силах и здоровье-радости, многократно увеличенной желанием нового.

Своё! А воздух какой! А тишина! Вода в колодце – вкуснее нет! Лес – грибы – ягоды. Купание в торфяных бочагах неподалёку.

Неподалёку? Боже! (Если бы она верила в Тебя, то сказала бы именно так.) Боже! Как же далеко эти бочаги! Как же далеко теперь и до ворот участков идти, когда ноги *не идут*.

Врачи боятся, и она бьётся. Нельзя сдаться...

В Бога она – да, не верила. Она – человек Возрождения. Из тех, что верят в силу человеческого духа, в силу ума, в красоту могущества, - в великую силу человека.

Верить только в себя и рассчитывать только на себя. Всегда...

- Мама, мама, я скоро приду! – если бы можно было сейчас поговорить с мамой, давно уже ушедшей.

Мама, а вдруг ты есть где-то там, куда уходят после земной смерти? Я-то всегда думала, что приходит смерть, и всё, - и ничего больше от нас не останется. Только то, что успели сделать тут, на Земле. Или – *там*, на Земле?

Где ты, мама? Ты меня слышишь? Увидимся ли мы с тобой?

Мама, я сделала всё, что смогла. Делом занималась. Учила, строила, сажала и растила, писала книжки, воспитывала и наставляла. У меня был порядок во всём, изо всех сил, любой ценой...

Мама, я... была хорошей, послушной девочкой. Ты... ты могла бы мной гордиться... Я всегда делала то, что ты велела, наказала, заложила в меня.

Ты... ты с этим согласна?

- А скажи, любила ли ты, дочка? Прощала ли? Уступала, щадила ли? А разрешала ли ты людям быть такими, какие они есть? Вот что главное, дочка...

Что это? Она ли говорила это? *Её мать*?

Любовь? О чём это она? Заповедями её матери были порядок, строгость. Она всегда знала, как правильно. И все вокруг должны были делать так, как она говорит.

Когда-то маленькие внучки каждое лето загорали на пляже по бабушкиным правилам: пять минут на животе – пять минут на спине – пять минут на одном боку – пять минут на другом. И – в тень.

А ёщё в глубоко дофэншуйные советские времена её мать ходила к соседкам по дому и советовала, как им лучше переставить мебель в комнате. От чего избавиться, что приобрести. Говорила вежливо, но настойчиво. Повелевала.

- А у тебя, разве у тебя получалось, мама?

- У меня – да нет, не получалось... Вышло так, что моя любовь предала меня... Но разве об этом скажешь?!

- Расскажи, мама!.. Надо рассказать, надо...

- ... Со страшной войны пришёл ко мне мой Герой – Победитель. Вернулся живой, в орденах и медалях. Пришёл и сказал: «Отпусти! Я другую полюбил. Отпусти!» Не отпустила, конечно. Но - ожесточилась, на весь свет ополчилась. Решила мстить... Теперь всё ясно... Не о том мы с тобой, значит, думали. Не туда стремились...

- Не туда?.. Да как же это? Как?..

Горько стало, так горько! И идти больше некуда, и не вернуть прошлого, не исправить...

- Мама! Мама! А знаешь, что я вдруг вспомнила? Ну как же, как же я сразу не вспомнила? Ах, ну да... Память-то... Знаешь, я ведь тоже полюбила, уже замужняя, с детьми... И – ничего не стала менять. Всё осталось, как было. *Как надо.* Потому что я должна была быть хорошей. И делать всё правильно.

- Жалеешь, дочка?

- Да нет, зачем?.. Н-нет... нет, не жалею... Только вот один раз, когда мужа хоронили...

Муж ушёл страшно, неожиданно... Она долго привыкала жить без него. Шла вечером с работы – думала: «Сейчас Володе расскажу!..» Уже не расскажет. Что имеем, не храним...

- Поминки в нашей квартире устроили. Народу много было, и мы у соседей тарелки брали, на другом этаже, в нашем подъезде. И вот я стою со стопкой соседских тарелок, лифта жду. И вдруг думаю – а вот как грохнуть все эти тарелки об пол, а? Что тогда будет? Странная мысль, правда?

- И что, грохнула?

- Конечно, нет...

- Знаешь, теперь я думаю, что, пока мы живы, всё можно исправить...

... Непонятные существа – дочь и внучка – звали обедать. Из кухни вкусно пахло. Заботятся о ней. Добрые. Нервные, суетятся.

Недавно врач почему-то запретил есть мясо. Что-то не так в анализах. Да, надо всё соблюдать, принимать все лекарства, - держаться, держаться за жизнь!

Пропадут ведь без меня. Что они в жизни понимают-то? Никак не повзрослеют. А всё равно ведь - *люб-лю...*

Перед кухней она остановилась возле колокольчика. Набухли бутоны, новой силой налились. Лето...